

Дома время всегда летело незаметно.

Особенно теперь, когда госпожа Ю пошла на поправку. И пусть грудную хворь еще не излечили до конца, и на холодный ветер ей выходить по-прежнему запрещалось, она уже могла, накинув теплую душегрею, сделать несколько шагов по комнате. Силы мало-помалу возвращались к ней, а на бледных щеках заиграл здоровый румянец.

Под навесом очага, где еще недавно не было ни крошки еды, ни щепотки лекарств, теперь красовались окорока вяленого мяса и связки домашних колбас. В углу высился казан для риса, прижатый тяжелой деревянной крышкой, а рядом стояли мешки с крупой: белоснежным рисом, золотистым просом и соевыми бобами, припасенными, чтобы зимой выращивать сочные ростки.

У самой стены, в углу дровяника, высилась аккуратная поленница — это хлопотливая старуха Чжао наняла людей, прослышав о нужде, и те привезли полтелеги сухостоя. Тонкие ветки и щепки горели жарко, и Сы Вэй больше не приходилось тратить время на колку дров.

Жизнь явно налаживалась, вот только госпожа Ю никак не могла решиться на переезд.

Время пролетело незаметно, и наступило пятое число первого лунного месяца. Ранним утром Сы Вэй возился под навесом со своей глиняной печуркой, прилаживая котелок для варки снадобья, как вдруг с улицы донеслось протяжное мычание. Скрипя колесами, у ворот остановилась запряженная волом телега.

Едва разгоревшиеся угли нехотя тлели, лениво облизывая бока глиняного кувшина. Вода в нем закипит еще нескоро.

Не успел Сы Вэй подняться, как плотная соломенная циновка, защищавшая вход от сквозняков, зашевелилась. Изголодавшийся за ночь щенок, которого накануне впустили спать в дом, выскочил во двор. Смешно перебирая короткими лапками и неистово виляя хвостом, он с радостным тьяканьем бросился к калитке.

Следом раздался негромкий стук в ворота и знакомый голос старухи Лю:

— Сы Вэй! Госпожа Ю! Проснулись уже?

Сы Вэй встrepенулcя и поспешил отпереть засов.

Телега оказалась крытой — от ледяного ветра пассажиров защищал наспех сплетенный навес. За воротами, кутаясь в теплый платок, стояла старуха Лю, а за ее спиной переминался с ноги на ногу рослый детина лет двадцати пяти. Лицо парня пересекал глубокий шрам, а сам он, косая сажень в плечах, сжимал в руках кнут и с любопытством заглядывал во двор.

Не обращая внимания на щенка, который уже всю ластился к ногам старухи Лю, Сы Вэй удивленно округлил глаза:

— Какими судьбами? Да еще в такую рань?

Старуха Лю стряхнула с плеч налипший снег и задорно усмехнулась:

— Какая рань, сынок! Самое время. Вчера хозяйка Чуньян велела мне приглядеть за твоим домом, а тебя просила прислать пораньше. Я еще засветло из города выбралась, переночевала у родни, да вот у них же телегу выпросила, чтобы за тобой приехать. Так что собирайся живее. Бери все, что нужно. Племянник мой как раз в город возвращается, мигом тебя до места подбросит.

Сы Вэй поспешно закивал и отступил, приглашая гостей войти.

Старуха Лю отнекиваться не стала. Осторожно отпихивая носком сапога настырного щенка, чтобы случайно на него не наступить, она прошла во двор. Парень лишь смерил Сы Вэя оценивающим взглядом и остался караулить у телеги.

Едва поднявшись на крыльцо, она заметила глиняную печурку Сы Вэя и всплеснула руками:

— Еще в прошлый раз хотела спросить: ну что за блажь — готовить на этой глиняной плошке? Пока в ней вода закипит, половина стражи сменится! Столько времени впустую тратишь.

Юноша лишь смущенно потер кончик носа. Признаться в том, что он до сих пор не научился толком управляться с большой дровяной печью в пристройке, было неловко, а потому он лишь кротко выслушивал ворчание.

Старуха, не теряя времени, отобрала у него кочергу, закатала рукава и принялась ловко раздвигать угли, попутно понукая парня поторапливаться с вещами.

Сы Вэй прекрасно понимал: Фэн Чуньян вовсе не обязана была присылать кого-то нянчиться с его больной матерью. Эта забота была тонким расчетом — демонстрацией щедрости, призванной заставить его работать на Башню Весенней реки еще усерднее. Вслух он, конечно, ничего не сказал, лишь вежливо поблагодарил. Однако за этой благодарностью крылась настороженность: оба они были тертыми калачами и прекрасно понимали правила этой игры. Он хорошо помнил, как ловко Чуньян умеет связывать обязательствами. Пока их цели совпадали, они тянули одну лямку, но что произойдет, когда их дорожки разойдутся?

Сы Вэй зашел в дом, чтобы предупредить мать о скором отъезде — на этот раз дела могли затянуться на несколько дней.

Госпожа Ю встревоженно сжала его пальцы и после долгого колебания тихо произнесла:

— Вэй-эр... Может, нам вернуть им те лишние деньги, что они дали?

Сы Вэй удивленно вскинул брови:

— Матушка?

Госпожа Ю достала из-под вороха одеял небольшой кованый ларчик и вложила его вместе с ключом в руки сына.

— Я думала об этом все эти дни... — вздохнула она. — Связь с Башней Весенней реки не доведет до добра. Это позорное клеймо на твоём имени. Я бесконечно благодарна их хозяйке за то, что прислала лекаря из Зала Спасения мира, но... нельзя же всю жизнь кормиться у порога заведения для утех.

В её глазах застыла глубокая печаль.

— Коли не сумеем исправить твою запись в реестре домохозяйств, то дружба с потаскухами тебя погубит. Людская молва страшна, сынок. Стоит поползти грязным слухам — и честное имя уже не отмыть. Судачат ведь без умолку, а на чужой роток не накинешь платок. Клевета и до могилы довести может. К тому же, представь: даже если случится чудо и мы сменим тебе запись в реестре домохозяйств, кто за тебя пойдёт после стольких лет угодничества в борделе? Какая приличная семья отдаст за тебя свою дочь?

Сы Вэй лишился дара речи.

"Матушка, тебе не кажется, что загадывать о женитьбе сейчас... слегка преждевременно?"

Он молча отпер ларец, достал оттуда пару мелких серебряных слитков, после чего щелкнул замком и пододвинул шкатулку обратно госпоже Ю.

— Матушка, сейчас не до пустых тревог. Если и думать о будущем, то как раз о том, чтобы через связи Чуньян выйти на чиновников из управы. С хорошей взяткой можно потихоньку исправить записи в реестре домохозяйств. Главное — сделать все тихо, без лишнего шума. Ради этого никаких денег не жалко. Сама посуди: девицы из Башни Весенней реки как-то ведь выкупают себя из кабалы, меняя статус с подлого на благородный. А делаются эти дела только через управу.

Стоило завести речь о заветном исправлении документов, как вся решимость госпожи Ю мгновенно улетучилась. Эта мысль слишком долго грела её душу. Слишком много лет она жила этой надеждой.

Женщина тяжело вздохнула и опустила плечи:

— Твоя правда. Раз уж взял серебро, отрабатывай на совесть. К тому же... притирания да белила твои и впрямь на диво хороши. Эх, знала бы я тогда, что Его Величество завершит северный поход, когда тебе исполнится три года... Стал бы я записывать тебя девчонкой? Но ведь война в Северных землях полыхала без малого двадцать лет, она выкосила почти всех мужчин в округе. Приходилось спасать тебя как могли. А теперь вот вырос... И ладно бы просто скрывался, так еще и румяна варишь. Не знаю уж, благословение это или проклятие.

Ей и впрямь было горько: где это видано, чтобы добрый молодец мало того что годами носил девичье платье, так еще и бабьими притирками промышлял?

Тем временем во дворе старуха Лю уже вовсю хозяйничала. Она споро растопила очаг и перелила недоваренную кашу из глиняного горшка в большой чугунок. Сырые дрова весело потрескивали в топке, выбрасывая снопы искр.

Заметив, что Сы Вэй слишком долго не выходит из дома, старуха выглянула из пристройки. Ее племянник все еще терпеливо ждал у ворот, кутаясь в тулуп.

— Сы Вэй, поживее там! Телега ждет! — зычно крикнула она.

— Сейчас, иду! — отозвался юноша.

Быстро попрощавшись с матерью, он забрал из восточной комнаты заранее уложенный узелок с вещами, откинул занавесь и выбежал на порог.

Во дворе вовсю резвился щенок. Описав пару кругов вокруг старухи Лю, он завидел хозяина и с радостным визгом бросился ему наперерез, путаясь под ногами. Сы Вэй осторожно высвободил ногу из-под мягкого щенячьего брюшка, обменялся со старухой Лю парой напутственных слов и по ее настоянию поспешил за калитку, где его ждал крытый возок.

Его провожатый оказался на редкость нелюдимым. За всю дорогу от деревни Линьвань до города он не проронил ни слова. Лишь когда телега остановилась у дверей Башни Весенней реки, он молча кивнул пассажиру и, стегнув вола кнутом, покатыл обратно.

Сы Вэй со вздохом окинул взглядом парадный фасад заведения. Вывеска сияла свежей позолотой, но массивные парадные двери были наглухо заперты.

Сы Вэй невольно поморщился.

Да уж, благодаря утренней телеге он прибыл даже слишком рано. До открытия оставалось добрых два часа. На улице кружилась колкая снежная крупа, и стоять у порога, подставляя лицо ледяным порывам ветра, не хотелось. Потоптовшись на месте, он решил пробраться к черному ходу, через который уходил в прошлый раз.

Маленькая неприметная калитка тоже оказалась закрытой. Ни кольца, ни колотушки на ней не было, так что Сы Вэю пришлось колотить в доски кулаком и звать слуг.

Только минут через пятнадцать за дверью послышался металлический скрежет — кто-то лениво возился с тяжелым навесным замком и засовом.

Створка со скрипом отворилась. На пороге стоял давешний служитель борделя. Увидев гостя, он недовольно скривился и закатил глаза:

— Опять ты, девка несносная! Чего шумишь в такую рань?

Сы Вэй промолчал.

Напустив на себя самый невозмутимый вид, юноша юркнул внутрь прямо под его локтем.

— Срочное дело! Хозяйка Чуньнян сама велела мне явиться спозаранку. Небось обыскалась уже.

Служитель лишь фыркнул, задвигая засов и вешая замок обратно. Когда фигура Сы Вэя уже почти скрылась в глубине двора, он лениво крикнул ему вслед:

— Слышь, егоза! Госпожа Чуньнян велела тебе сразу топать в Здание Музыкальной мастерской, что в саду! Нашла дуру — в холодрыгу ни свет ни заря вскакивать! Спит она еще десятым сном, тоже мне, барыня выискалась.

На дорожках лежал тонкий налет наледи. Сы Вэй поскользнулся и комично взмахнул руками, чудом удержав равновесие. Сердито зыркнув на ухмыляющегося служку, он прибавил шаг и направился к высившейся в глубине сада Музыкальной мастерской.

Было едва за полдесятого утра. Обитель утех еще не протрезвела после бурной ночи: сад спал под безмолвным снежным покрывалом, укрывавшим пустые беседки и каменные мостики.

Резкий порыв ветра хлестнул по лицу, обжигая щеки холодом. Сы Вэй посильнее закутался в воротник и поспешил укрыться за резными дверями Музыкальной мастерской. Лишь когда его окутало ласковое домашнее тепло, он наконец почувствовал себя человеком.

Внутри царило сонное затишье. Жилые комнаты наставников располагались на верхнем этаже, а в просторном холле внизу бодрствовали лишь несколько человек.

Едва Сы Вэй переступил порог, как до его ушей донесся резкий шлепок. Пожилая наставница лет сорока с лишним яростно хлестала бамбуковой линейкой по плечам стоявшей на сцене юной ученицы.

— Осанка! Плавность! Пленительный взгляд! — гремел ее голос на весь зал. — И ритм, дура ты набитая! Ритм! Наставница исходила злобой, глядя на непутевую девуцу:

— Смотри мне в глаза! И двигайся плавнее! То, что сейчас тебе никто не играет, не оправдание! Неужто без флейты ты даже шага в такт сделать не способна?!

Девочка лет тринадцати на вид испуганно сжималась под градом ударов. Глаза ее припухли от слез, но уворачиваться слишком явно она не смела — лишь безропотно сносила побои, вздрагивая всем телом.

Неподалеку за столом сидела девушка. На ее плечи была небрежно накинута дорогая шубка из белоснежного кроличьего меха. Точенные черты лица казались холодными, но в разрезе глаз сквозила манящая истома. Подперев подбородок ладонью, она лениво наблюдала за экзекуцией. Наконец, приподняв тонкую бровь, она с усмешкой протянула:

— Чуть что — сразу за розги. Неужто у вас, почтенная наставница, других способов ума-разума девке вложить не осталось? Вы ее так до ума доведете или просто пришибете сдуру, чтобы глаза не мозолила?

Голос незнакомки лился мягко, со вкрадчивой хрипотцой:

— Люди не зря говорят: учитель указывает путь, а идет по нему каждый сам. Может, вместо того чтобы без толку махать линейкой, вам стоит задуматься, сумели ли вы вообще показать ей эту дорогу?

<http://bllate.org/book/18280/1768107>